

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ъ,

О Пасхѣ.

Народная легенда, записанная въ Пошхонскомъ уѣздѣ, Ямтланской губ.

Въ NN одномъ изъ большихъ, но глухихъ селъ Пошхонскаго уѣзда жила молодая вдовая солдатка Фекла; жила она одиноко въ своей дельцѣ ¹⁾ на самомъ краю села. Это было въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Хотя идревле про солдатовъ сложилось присловье, что «солдатка мѣркой чеповѣкъ», что солдаткѣ все позволяется, — а ужъ «чего ей хочется, то никогда (никогда) не грѣхъ», однако про молодую Феклу нельзя было сказать ничего худого. Честно и не зазорно вдовѣла она третій годъ, нанимаясь въ поденныя работы къ своимъ односельчанамъ и добывая себѣ этия насущный кусокъ хлѣба.

Ничего худого не могла сказать сосѣди про молодую Феклу, но врагъ силенъ: попуталъ онъ и бѣдную бабу. Слюбилась Фекла съ сѣднимъ парнемъ, а тамъ пришло время и забеременѣла отъ него. Беременность свою она такъ искусно скрывала ото всѣхъ, что никто не могъ даже и подумать, что Фекла беременна, тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ, что Фекла начала «баловать»...

Была ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье. Во всѣхъ домахъ NN свѣтились огоньки — вездѣ готовились къ встрѣчѣ великаго праздника. Въ церкви давно уже началось чтеніе «Дѣяній», народъ изъ отдаленныхъ деревень понемногу собирался къ свѣтлой заутрени... Свѣтился огонекъ и сквозь занавѣшенное оконце Феклиной дельцы. Но не встрѣчей Свѣтлаго Праздника была занята въ это время молодая вдова: нѣтъ, заперевъ наглухо двери, она мучилась родами, одна одинешенька. Но счастью схватки были не сильны и не продолжительны и Фекла скоро стала матерью.

Стыдъ и боязнь за будущее охватили душу молодой бабы.

— «Что сосѣди теперь скажутъ? думала баба. «Сражъ одинъ только будетъ: приходу не дадутъ мнѣ — засмѣютъ... а какъ кормиться будетъ? съ этия на работу не пойдешь найматься: вридется по міру собирать итти, такъ думала Фекла и сердце ея защемило отъ ужаса за свою неприглядную будущность, а руки ея все вѣшче и вѣшче сжимали шейку малютки.

Еще одно вѣшчкое судорожное движеніе пальцами рукъ, раздался слабый не то хрипъ, не то стонъ, и малютки не стало въ живыхъ...

¹⁾ Изба въ которой живутъ бобыли.

Заколатъ малютку въ подъибицѣ было для Оеклы дѣломъ получаса...

Между тѣмъ раздался громкій торжественный благовѣстъ къ Свѣтлой заутренѣ...

Оекла поспѣшно прибралась въ кельѣ, одѣлась въ лучшую одежду и отправилась въ церковь...

— «Теперь никто ничего не подумаетъ — никому и въ голову ничего не придетъ», думала Оекла, идѣ къ церкви и отъ слабости еле передвигая ногами.

— «Чтой то это, матка, на тебѣ лица нѣтъ», замѣтила въ церкви Оеклѣ одна изъ ея сосѣдокъ.

— «Не можетъ что то... головушку всю разломилло... простудилась должно бытъ», равнодушно отвѣчала Оекла.

Сосѣдка вполне удовлетворилась такимъ отвѣтомъ...

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько дней. Оекла окончателно оправилась отъ родовъ. Все дѣло, какъ говоригся, было и «шито и крыто».

И Богъ судилъ иначе...

По селу понесли иконы. По старинному обычаю причтъ съ св. иконами ходилъ о Пасхѣ изъ дома въ домъ и служилъ молебны. За иконами ходили почти всѣ сельчане.

Привесли, наконецъ, иконы и въ Оеклину келью.

Священникъ сдѣлалъ возгласъ и началъ молебенъ. Старикъ дѣчечъ дребезжающимъ голосомъ запѣлъ пасхальныя стихиры...

Какъ вдругъ въ это время послышился необычайный шорохъ. Изъ за печки и изъ вѣхъ щелей Оеклиной кельи показались мириады черныхъ крупныхъ таракановъ. Богомольцы съ ужасомъ попягилтъ къ дверямъ. Между тѣмъ легіоны таракановъ двигались по стѣнамъ и по потолку въ стройномъ порядкѣ и все по одному направленію: быстро сползли они на полъ и собрались огромной кучей надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ въ подъибицѣ былъ похороненъ у Оеклы ребенокъ.

На Оеклѣ, какъ говорится, лица не было...

Между тѣмъ тараканы совершенно неподвижно сидѣли до тѣхъ поръ, пока не окончился молебенъ. Тогда снова полчища ихъ двинулись въ стройномъ порядкѣ на стѣны и въ кавія нибудъ 5—6 минутъ скрылись по щелямъ и за печью, такъ что не видно стало болѣе ни одного таракана...

Священникъ вопросительно глядѣлъ на Оеклу...

Скрываться долѣе было не возможно...

Съ плачемъ упала молодая баба на колѣна передъ священникомъ и въ присутствіи всѣхъ рассказала свой грѣхъ...

А. Баловъ.

Крапивное заговѣнье.

Подъ названіемъ крапивнаго заговѣнья извѣстно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Понехонскаго уѣзда Воскресеніе «Всѣхъ святыхъ» или заговѣнье на Петровъ постъ. Въ это воскресеніе парни и дѣвушки, собирающіеся на обычныя деревенскія гулянья, жгутъ другъ друга крапивою, откуда и самый день этотъ получилъ названіе «крапивнаго» заговѣнья.

Данный обычай представляетъ изъ себя остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ», приуроченныхъ первоначально къ купальскимъ игрищамъ, а затѣмъ перенесенныхъ съ купальскаго праздника на всѣхсвятское воскресенье. Русалки (южнослав. «мавки»), по древнему вѣрованію славянъ, суть души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по мнѣнію нашихъ предковъ язычниковъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный считался у всѣхъ на-

родовъ проводниковъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что по тому же народному повѣрью русалки живутъ съ наступленіемъ весны въ водахъ: рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Какъ представительницамъ царства смерти, тьмы и холода, русалкамъ всего естественнѣе обитать въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною.

Но вотъ наступаетъ время купальскихъ праздниковъ. Солнце, купаясь въ водахъ, освящаетъ ихъ и оживотворяетъ ихъ ¹⁾. Въ этихъ водахъ уже нѣтъ болѣе мѣста для русалокъ — представительницъ мрака и смерти. Отсюда, по народному повѣрью, русалки лѣзутъ на земныя деревья—первоначальное обиталище мертвецовъ (см. житіе Константина Муромскаго). Но и эта попытка является для нихъ неудачной: деревья послѣ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ, и русалкамъ, представительницамъ холода, мрака и смерти, съ наступленіемъ лѣта—царства тьмы и свѣта, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ. Для нихъ остается только одно—уйти въ темныя нѣдра земли и заснуть тамъ крѣпкимъ сномъ до новой весны. Въ одной изъ купальскихъ пѣсенъ по этому поводу говорится:

Русалочки-земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забияси.

Эти то проводы русалокъ въ нѣдра земли и совершались въ старину послѣ купальскихъ игрищъ. Съ принятіемъ христіанства они приурочены были затѣмъ къ началу Петрова поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской губерніи и до сихъ поръ накануне заговѣнья на Петровъ постъ нѣсколько дѣвушекъ изображаютъ изъ себя русалокъ, ходя ночью по улицамъ въ однихъ рубашкахъ съ распущенными волосами. Часовъ въ 12 ночи молодежь вооружается палками, косами, кнутами и бросается на дѣвушекъ, изображающихъ русалокъ, съ крикомъ: «гони русалокъ». Когда «русалкамъ» удастся убѣжать на землю сосѣдней деревни, преслѣдованія прекращаются, и всѣ возвращаются домой говоря: «Ну, теперь прогнали русалокъ». (Жив. Стар. В. IV. 1891 г. 202 стр.).

Между тѣмъ, по старинному народному вѣрованію, русалки, какъ и вѣдьмы, всего болѣе боятся крапивы и осины, растеній, посвященныхъ богу громовнику. Эти растенія очень часто употребляются народомъ для защиты отъ русалокъ и вѣдьмъ: ихъ кладутъ, напр., въ хлѣвахъ, чтобы вѣдьмы не выдаивали коровъ и т. д. Эти растенія играли видную роль и въ старинныхъ купальскихъ русальныхъ проводахъ, т. е. ими старались прогнать русалокъ въ нѣдра земли.

Очевидно, что обычай жечь другъ друга въ «крапивное воскресенье» есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ».

А. Баллов.

Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ.

Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Слѣды язычества, выразившіяся въ масѣ различныхъ народныхъ суевѣрій и предрасудковъ, настолько укоренилось и распространилось въ жизни нашего народа, что очень часто мы встрѣчаемъ эти слѣды тамъ, гдѣ ихъ, по видимому, вовсе не должно бы и быть. Въ статьѣ нашей «Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи» (Жи-

¹⁾ О характерѣ и значеніи купальскихъ игрищъ нами будетъ представлена въ скоромъ времени особая отдѣльная статья.

вая Старина 1891 г. № 3) мы подробно указывали на тѣ суевѣрія и предрасудки, которыя замѣчаются въ народномъ иконопочитаніи и которыя представляютъ изъ себя ничто иное, какъ остатки сѣдой языческой старины.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся указать на подобныя же суевѣрія и предрасудки, но приуроченныя только къ другимъ священнымъ предметамъ—именно къ «церковнымъ свѣчамъ и ладону».

Особенное значеніе придаетъ народъ свѣчамъ «вѣнчальнымъ». Свѣчи эти тщательно сохраняются народомъ вмѣстѣ съ иконами въ кіотахъ или просто на полкахъ. Уже во время самаго бракосочетанія народъ замѣчаетъ по вѣнчальнымъ свѣчамъ, кто изъ брачующихся скорѣе умретъ. Тотъ у кого вѣнчальная свѣча сгоритъ болѣе во время бракосочетанія, тотъ скорѣе и умретъ. Означенное повѣрье, очевидно, есть ничто иное, какъ видоизмѣненное гаданье съ огнемъ, приурочиваемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Катеринину дню (24 ноября), а въ другихъ—къ Святкамъ. Гаданье это состоитъ въ томъ, что огарки восковыхъ свѣчъ прикрѣпляютъ къ орѣховымъ скорлупамъ и, зажегши эти огарки, пускаютъ на воду: чей огарокъ погаснетъ скорѣе—тотъ раньше и умретъ.

Варианціи подобнаго гаданья существуетъ очень много, и перечислять ихъ мы не будемъ, такъ какъ это не относится къ интересующему насъ вопросу.

Во время трудныхъ родовъ вмѣстѣ съ прочими народными средствами употребляется между прочимъ и зажиганіе «вѣнчальныхъ» свѣчъ.

Вѣнчальныя свѣчи зажигаются точно также во время грозы и пожара, чтобы отвратить отъ дома громовые удары или прекратить начавшійся пожаръ. Такую же силу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ приписываетъ свѣчамъ «богоявленскимъ» и «пасхальнымъ» т. е. свѣчамъ, съ которыми стояли въ эти праздники въ церкви. «Богоявленскія» или же «вѣнчальныя» свѣчи зажигаютъ наконецъ и въ изголовьѣ умирающаго, когда послѣдній долго мучится въ предсмертной агони.

Зажигать «богоявленскія» свѣчи во время грозы и пожара, а также въ изголовьи умирающаго есть обычай, перешедшій къ намъ съ юго-запада, изъ католической церкви. Здѣсь долго существовалъ обычай въ день Срѣтенія Пресв. Богородицы освѣщать свѣчи и раздавать ихъ народу. Въ католическихъ требникахъ есть и особыя назначенныя для этого молитвы. (Объ униат. богосл. кн. Хойницкій Хр. Чтен. стр. 596—597). Свѣчи эти зажигались во время пожара и грозы и давались въ руки умирающему. Если припомнимъ, что на Пресв. Богородицу съ принятіемъ христіанства было перенесено почитаніе одной изъ «роженицъ», имѣвшихъ въ своей власти бракосочетаніе, рожденіе и смерть человѣка, то разрывительная сила «срѣтенскихъ» свѣчъ при родахъ и при смерти будетъ намъ вполне понятна. Съ теченіемъ времени сила эта стала приписываться не только «срѣтенскимъ», но «богоявленскимъ», «пасхальнымъ» и другимъ церковнымъ свѣчамъ, какъ напр. «четверговымъ».

Что касается до силы «богоявленскихъ», «пасхальныхъ» и «вѣнчальныхъ» свѣчъ охранять отъ молніи и прекращать пожары, то сила эта, по всей вѣроятности, приписывалась вначалѣ только «срѣтенскимъ» свѣчамъ. Вѣрованіе въ такую силу этихъ свѣчъ могло зародиться на христіанскомъ представленіи Пресв. Богородицы «неопалимою кущиною». Со «срѣтенскихъ» свѣчъ это вѣрованіе было перенесено затѣмъ на свѣчи «богоявленскія», «вѣнчальныя», «пасхальныя» и т. д.

«Четверговая» свѣча, т. е. свѣча, принесенная изъ церкви въ великій четвертокъ, по народному повѣрью, обладаетъ силою уничтожать чары колдуновъ и прогонять вѣдьмъ. Основа такого повѣрья чисто уже языческая. Вѣрованіе въ колдуновъ и вѣдьмъ есть «пережигокъ» языческаго вѣрованія къ облачнымъ нимфѣ, представительницъ царства ночи и зими, тѣхъ самыхъ нимфъ, которыхъ Перунъ разгоняетъ своими молніями.

Между тѣмъ четвергъ и посвящался нашимъ предками Перуну—богу громовнику, разгоняющему облачныхъ нимфъ своими молніями. Четверговая свѣча и служитъ въ данномъ случаѣ эмблемою молній бога громовника.

Что касается до ладона, то по народному вѣрованію онъ обладаетъ свойствомъ прогонять отъ человѣка нечистыхъ духовъ. Поэтому то до сихъ поръ въ народѣ довольно распространены обычаи носить на шеѣ «ладонки», т. е. мѣшечки съ зашитымъ въ нихъ ладонь. Обычай этотъ восходитъ къ глубокой древности. Всѣ языческіе народы съ незапамятныхъ поръ носили на шеяхъ особые мѣшечки, называемые амулетами. Въ мѣшечкахъ хранились камешки съ таинственными словами и надписями, лекарственные травы и волшебныя вещи, которымъ приписывалась таинственная чудесная сила. Все это въ древности строго запрещалось не только христіанскою церковію, но даже и языческими царями.

Ношеніе ладонковъ есть ничто иное, какъ видоизмѣненный обычай ношенія амулетовъ, такъ какъ ладонка есть тотъ же амулетъ, въ которомъ чудесная сила приписывается ладону.

А. Балозг.

Живая старина.

Жители различныхъ мѣстностей Россіи нерѣдко извѣстны бываютъ среди остального населенія подъ различными шутивными прозвищами, соединенными съ такими же шутивными легендами объ этихъ жителяхъ. Такъ напр. про «ярославцевъ» жители остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи говорятъ, что «ярославцы бѣлотѣлы: семь лѣтъ въ баяхъ не были, разъ побывали—семь нудовъ грязи съ одного пятнышка на тѣлѣ наскребли», про «даниловцевъ» говорятъ, что «они теленка въ люлькѣ заказали», про любимцевъ, что они «козу пряниками кормили», про пошехонцевъ, что «они въ трехъ соснахъ заблудились». Анекдоты о пошехонцахъ еще съ 1798 г. были изложены нѣкимъ Березайскимъ въ отдѣльной книгѣ подъ заглавіемъ: «анекдоты о древнихъ пошехонцахъ» Сиб. 1798.

Шутивное отношеніе жителей однихъ мѣстностей въ своимъ сосѣдямъ, выражающееся въ различныхъ шуточныхъ прозвищахъ, давлекыхъ этимъ сосѣдямъ, довольно рельефно выказалось въ слѣдующей народной пѣсенкѣ, записанной нами въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

...Даниловски дѣвки—путаницы,
Романовски—луковницы,
Костромскія—пароходницы,
Онѣ дуры не работницы,
Ярославски дѣвки модницы и т. д.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія изъ такихъ шуточныхъ прозвищъ, усвоенныхъ жителямъ извѣстной мѣстности, берутъ свое начало въ глубокой древности. Прослѣдить происхожденіе такихъ прозвищъ, указать на причины ихъ появленія—было бы весьма интересно. Къ несчастію, дѣло это далеко нелегкое.

Въ нашемъ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на прозвищѣ Угожанъ, т. е. жителей села Угодичъ Ростовскаго уѣзда. Угожанъ обыкновенно называютъ «ершѣвниками», утверждая, что они «ерша со звономъ встрѣчали». (Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда. Изъ восп. Артынова Яр. Губ. Вѣд.).

Какой смыслъ этого прозвища и гдѣ его начало?

Извѣстный эллинистъ, ученый изслѣдователь Порфирій, епископъ чигиринскій, говоритъ: «я въ юности своей слышалъ отъ отца своего, что въ Ростовскомъ озерѣ во время оно, являлся большой ракъ и обѣими клешнями благословлялъ, какъ архіерей». (Исторія Аеона. ч. II. Аеонъ христіанскій. Тр. Кіев. Духовн. Акад. 1871 г., т. 3, стр. 365).

По мнѣнію ученаго изслѣдователя, «насмѣшки язычниковъ надъ христіанами въ первыя времена христіанства и христіанъ надъ язычниками надолго сохранились въ народныхъ повѣрьяхъ». Такъ напр. между жителями Афонскаго городка Ериссо до сихъ поръ сохранилось шуточное повѣрье, что потомки притѣснителей св. Апостола Павла не ѣдятъ воловьего мяса изъ боязни, чтобы изъ нихъ не потекла кровь. Здѣсь видна явная насмѣшка христіанъ надъ язычниками—почитателями Аполлона, какъ извѣстно, не употреблявшими въ пищу воловьего мяса.

По мнѣнію ученаго изслѣдователя и въ сказаніи о ракъ, благословлявшемъ по архіерейски, видна явная насмѣшка ростовскихъ язычниковъ надъ первыми тамъ христіанами и надъ епископомъ ихъ.

Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, мы осмѣлились провести параллель съ сказаніемъ, приведеннымъ имъ о ракъ ростовскаго озера, благословляющимъ какъ архіерей, и съ выраженіемъ что «Угожане ерша со звономъ встрѣчали».

И послѣднее выраженіе не представляетъ ли изъ себя явную насмѣшку древнихъ ростовскихъ язычниковъ надъ первыми ростовскими христіанами и надъ ихъ епископомъ? Пожалуй, что да.

Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ высказанное нами предположеніе, то темное и неясное выраженіе, что «угожане ерша со звономъ встрѣчали» будетъ для насъ вполне ясно и вразумительно.

Желательно бы было, чтобы мѣстные изслѣдователи обратили свое вниманіе на шуточные прозвища, даваемые жителями однихъ мѣстностей жителямъ другихъ. Многія изъ такихъ прозвищъ, безъ всякаго сомнѣнія, получили свое начало въ глубокой древности и представляютъ иль себя ту «живую старину, о которой говорили мы и въ предъидущихъ нашихъ очеркахъ.

Для образца укажемъ, на примѣръ, на шуточное прозвище «оковники», дававшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не особенно давно жителямъ Ростовскаго уѣзда. Прозвище это получило свое начало отъ слова «оковъ»—деревянная ладка, окованная желѣзными обручами, которая употреблялась ростовцами старину въ мѣсто хлѣбной мѣры.

Уяснить всѣ такія прозвища было бы крайне интересно.

А. Баловъ,